

92 года назад родился М. А. Шолохов

Сов. Россия. — 1997. — 24 мая.

Размышления на исходе века

Возвращаясь мысленным взором в XX век, который уже назван и жестоким, и кровавым, и героическим, пытаюсь яснее представить его и глубже понять, грядущие поколения будут обращаться не только к документам и мемуарам, не только к трудам ученых-историков, но и к художественным свидетельствам времени.

Одно из самых ярких таких свидетельств — роман Михаила Шолохова "Тихий Дон".

Правоммерно именуемый книгой века, он стал и книгой на века.

Собственная его трагическая судьба тоже составляет страницу в трагедии эпохи.

Разумеется, каждое поколение читает и будет читать великую книгу в чем-то по-своему, выделяя наиболее важное для себя. А что прежде всего видится в "Тихом Доне" сегодня, по прошествии 92 лет со дня рождения автора и без малого 70 — со времени публикации первых глав?

Мне показалось интересным поговорить об этом с доктором филологических наук, профессором Федором Григорьевичем БИРЮКОВЫМ — старейшим на сегодняшний день исследователем творчества М. А. Шолохова в нашей стране.

Виктор Кожемяко. Я знаю, почти вся ваша многолетняя научная и преподавательская работа была посвящена Шолохову. Читал книги и статьи ваши. Помню, каким событием стала публикация в 1965 году в "Новом мире" Твардовского статьи "Снова о Мелехове", которая шла вразрез с установившейся к тому времени вульгарно-социологической трактовкой "Тихого Дона" и образа главного его героя, обвинявшегося в "отщепенстве". Вам тогда осязательно досталось. Ведь выступили вы против таких официально признанных авторитетов, как Исай Лежнев и Лев Якименко. А их точка зрения, по существу, брала начало в критике Шолохова еще конца 20-х — начала 30-х годов. "Радек обвинял меня в политической неграмотности, в незнании русского ментала и вообще деревни", — вспоминал Михаил Александрович.

Да в чем только его не обвиняли! Согласен с вашей мыслью, высказанной в одной из статей тридцатилетней давности: "Шолохов учил: не соответствует жизни, то есть их узким представлениям. Разрешалось мыслить только так, как они, иметь наблюдений не больше, чем они, знать стезю отсюда и досюда. Не касаться правды, если она сурова, — вот чего добивались резвые умы".

Но правда жизни прямо входила в его книги.

Прошли годы. Вот уже кончается столетие, в котором родился и жил автор "Тихого Дона", когда создан был этот величественный и трагический роман-эпопея о переломном этапе в истории России. Как теперь, перечитывая его, воспринимаете вы правду времени, запечатленную в бессмертной книге? В чем, на ваш нынешний взгляд, правда Шолохова и ее уроки для нас?

Федор Бирюков. Он родился в девяносто пятом. "Тогда империя вела войну с японцем и всем далекие мерещились кресты", — напишет о том времени Есенин.

Русская армия терпела поражение. Тыл и без того лихорадил. Началась народная революция. Бунтовали города. Поднималась деревня — пылали помещичьи усадьбы. Страна вступила в ту критическую полосу, когда низы не хотели жить по-старому, а верхи не могли управлять по-новому.

В этой грозной обстановке особую остроту приобрел казацкий вопрос. В "Тихом Доне" казаки перед первой мировой расходятся.

— Я, браток, в тысячу девятьсот пятом году на усмирении был. То-то смею!

— Война будет — нас опять на усмирении будут гонять.

— Будя! Лихие волыные наимают. Полиция пушай, а нам кубы и совестно".

13 июня 1906 года, выступая на заседании Государственной думы, депутат от Войска Донского писатель Федор Бирюков говорил: "Ныне казачество из защитника угнетаемых повернуто в стражи угнетателей; специальность его определена — расписывать обязательские списки нагайками. Пробовали ли казаки протестовать против этого? Да, пробовали, но безуспешно".

Безуспешным оказалось и это выступление, поддержанное рядом депутатов. Дума, где отражалось кипение народных страстей, повелением императора была распущена.

Так начиналось столетие. С национальной трагедии. Политический кризис будет обостряться, судьба народа становится все мрачнее и безысходнее. Шолохов — летописец этих страшных лет.

"Тихий Дон" создавался между двумя мировыми войнами. Не успели поджечь пеплом костры первой — империалисты начали подготовку новой.

О той, первой мировой, написано немало волнующих произведений. Сказали свое слово проклятия писатели мира — русские, немцы, болгары, французы, итальянцы, англичане, поляки, австрийцы, венгры, югославы, американцы. Опаленным гневом наполнены воспоминания тех, кто побывал под огнем, уцелел десятками или двадцатками.

Много общего с этой прозой есть и у Шолохова. Но его достижения даже на очень внушительном фоне мастеров А. Барбюса, Б. Келлермана, Э. Ремарка, Р. Олдингтона, Э. Хемингуэя, Р. Роллана, Ж. Жюно, А. Цвейга, К. Федина — выдающиеся. По охвату действительности, масштабности обобщений, зримости картин фронтовых сражений.

Если героем военного романа был чаще всего интеллигент — честный, страдающий, растерявший себя в боях, то у Шолохова на первом плане — сыны глубинной трудовой России, оторванные от неоплодотворенной земли.

"Зеленый... Зеленый... Зеленый нечетный! По артериям страны, по железным путям к западной границе гонит взыблал-мученная Россия серошестую кровь".

"Вместе со второй очередью ушла и третья. Станицы и хутора обезлюдели, будто на покос на траву вышла вся Донщина".

Шолоховская правда о войне — вот она. Русские войны трупами повисают на проволочных колючих заржавлениях. Немецкая артиллерия выкашивает целые полки. Раненые ползают по живую. Глухо охает земля, "распятая множеством копий", когда обезумевшие всадники устремляются в кавалерийские атаки и плашмя падают вместе с конями. Не помогает казаку ни молитва от ружья, ни молитва при набеде. "Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родимой земли, а смерть пятнала и тех, кто возил с собою молитвы".

Именно такой видится шолоховская позиция, когда он изображает самосуд Бунчука над корниловцем Камышовым, зверскую казнь повстанцами Лихачева, убийство Чернецова и сорока офицеров, взятых в плен у реки Глубокой, казнь экспедиционного отряда Подтелкова в Пономарево.

В 1918 году Марина Цветаева восхищалась:

Не лебедь это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Бельм видением тает, тает...
Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть —
Ванда — Дон.

Поэтесса в то время могла не знать всего, к чему призвала и что творила над инородными, "мужичьем" да и над казаками "рать святая". Удивляет другое: как могут в наше время, после Шолохова и других честных свидетелей времени, восхититься подобной лирикой!

В. К. В "Тихом Доне" мы видим, как жестокость вызывает ответную, еще более беззастенчивую. По-моему, это самые

Первые удары шашкой по человеку, первые убийства — это остается в памяти на всю жизнь. Неизбывна боль и за землю, когда "вызревшие хлеба топтали конница", "там, где шли бои, хмурое лицо земли оспой взрыли снаряды: ржавели в ней, тоску по человеческой крови, осколки чугуна и стали".

Всего лишь месяц войны, а как она искалечила людей! Многие сходят с ума...

Надо было очень близко к сердцу принять боль, муку мученической земли Русской, надо было всей душой любить эту землю и ее сынов, чтоб вот так скорбно сложились слова:

"Многих недосчитывались казаков, — растеряли их на полях Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, Прикарпатья, Румынии, трупами легли они и истлели под оружейной панихидой, и теперь позорились бурьяном высокие холмы братских могил, придавило их дождями, позамело зыбучим снегом".

Это скорбный плач народного писателя о погибших.

В. К. Но прорывается же при этом, на тех же страницах, и какой-то заворачивающий свет, греет читателя удивительное тепло.

Ф. Б. Да, разоблачая жадных до власти карьеристов и авантюристов, привыкших распоряжаться чужими судьбами, кто гонит свой народ на другие народы, прямо на минные поля и под пулеметный веер пуль, решительно протестуя против любого посягательства на право человека жить свободно и радостно, — Шолохов противопоставил ужасам войны красоту человеческих чувств, счастье земного бытия. Страницы, посвященные дружбе, доверию, родственными связям, любви — все это истинно человеческое, укрепляющее веру в победу добра над злом. Счет человеческих благородных поступков должен быть, по Шолохову, такой: сколько ты спас, сколько облегчил жизнь, сколько оберег красоты на земле, а не сколько истребил, осиротил, сколько отравил существование. Эта гуманистическая настроенность писателя прозвучала еще в "Донских рассказах" — "Чужая кровь", "Алешинское сердце", "Жеребенок".

В. К. Какими же виделся путь выхода страны из тупика?

Ф. Б. В романе представлены разные политические силы — монархисты, буржуазные демократы, сторонники военной диктатуры, донские сепаратисты, большевики. Их взгляды, планы, программы рассмотрены автором объективно. Нет намеренного принижения каких-либо идеологий в угоду другим. Материал "Тихого Дона" как бы включается в наши сегодняшние размышления о судьбе Родины: что могло быть, если бы продолжалась власть монарха, если бы держался и дальше Керенский, если бы завершились победой корниловского путча, если бы осуществились планы сепаратиста Изварина, если бы не произошли события 25 октября? Или вопросы иного порядка: если бы не покосились с собой генералы — Марков, Каледин, не был убит в 1918 году Корнилов и не умер тогда же Алексеев?

По Шолохову, реально только та политическая программа, которая не расходится с интересами народа. А обстановку сложилась так:

"Близкий дыбился фронт. Армии дышали смертной лихорадкой, не хватало боевых припасов, продовольствия; армии много горю тонули к призрачному слову "мир"; армии по-разному встречали временного правителя республики Керенского и, по-настоящему его истерическими криками, спотыкались в июньском наступлении; в армиях вызревший гнев плавились и вскипал, как вода в роднике, вымываемая глубинными ключами...".

Это настроение фронтовиков и большей части народа, тянувших к миру, определило отношение к программам и лозунгам. Шолохов свидетельствует: лозунги большевиков оказывались народу ближе, чем призывы к продолжению войны до победного конца, с применением смертной казни в армии.

В. К. Но ведь мировая война для России стала только началом величайших испытаний. Россия пережила еще более неестественное — междуусобицу.

Ф. Б. Огромная территория долгое время находилась в огне гражданской войны. По "Тихому Дону" мы знаем, что происходило. Повсеместно палба, трупы и раненые. Грабежи и насилие. Бандитские нашествия. Запой, расшатанная психика людей, вольное поведение жалморок. Эпидемия тифа. Смерть в отступе, вдали от родных очагов.

Чья ответственность за все это? Бельх? Красных? В пылу борьбы разжигалась взаимная вражда, те и другие как бы соревновались, кто кого скорее уничтожит.

Идущее на смену старому новое общество должно покорять прежде всего привлекательностью нравственного чувства. Так полагали В. Короленко и М. Горький, так мыслит и Шолохов. Каждый раз, когда он изображает физическую расправу над людьми, мучит убеждения, считает это недопустимым даже в экстремальных условиях. Классовая борьба не однозначна с правом на террор.

Именно такой видится шолоховская позиция, когда он изображает самосуд Бунчука над корниловцем Камышовым, зверскую казнь повстанцами Лихачева, убийство Чернецова и сорока офицеров, взятых в плен у реки Глубокой, казнь экспедиционного отряда Подтелкова в Пономарево.

В 1918 году Марина Цветаева восхищалась:

Не лебедь это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Бельм видением тает, тает...
Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть —
Ванда — Дон.

Поэтесса в то время могла не знать всего, к чему призвала и что творила над инородными, "мужичьем" да и над казаками "рать святая". Удивляет другое: как могут в наше время, после Шолохова и других честных свидетелей времени, восхититься подобной лирикой!

В. К. В "Тихом Доне" мы видим, как жестокость вызывает ответную, еще более беззастенчивую. По-моему, это самые

потрясающие, самые пронзительные страницы. Михаил Кошевой записал в черный список контрреволюционеров Синилина, прозванного Авдеем Брехом. Того — без всякой вины — расстреляли. Теперь сын Авдеева ищет Кошевого, чтобы отомстить за отца. В этот же список Михаил занес Коршунова. Забрали — и расстреляли в тот же день. Митка за смерть отца повесил мать Кошевого. Тот убивает столетнего деда Гришаку, поджигает дом Коршуновых...

Ф. Б. Так вот и кружилась "коловерть". Вконец пала нравственность. Убийства становятся привычным бытовым явлением.

Раздумывая о том, как стала исчезать человечность, Шолохов обвиняет и верхи белого движения, и представителей новой власти. Ведь не только Михаил Кошевой повинен, когда грозит хуторянам: "Я покажу вам, голуби, что такое Советская власть". Диктат шел из Москвы.

В. К. Имеете в виду начавшуюся политику "расказачивания"?

Ф. Б. Конечно, 24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление об отношении к казачеству. Оно в виде секретного циркуляра с сопроводительной Я. Свердловского было разослано командующим и политработникам соответствующих армий, карательным органам для неукоснительного осуществления на местах. Казачество Дона, Кубани, Урала и других районов было, по существу, объявлено вне закона. Предписывалось: "Признать единственной мерой самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость тут недопустимы... Провести массовый террор... Конфисковать хлеб... Разработать в спешном порядке практические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли". И прочее в этом роде.

Циркуляр был подготовлен в то время, когда на Дону казаки в большинстве склонялись к миру, покидали фронт против красных, уходили из Краснова. Теперь же они снова ввязались за оружие, спасая родные станицы и хутора, обываки, верования. Многие искали спасения у Деникина и других генералов, которые оказались им в этой ситуации ближе, чем Свердлов, Троцкий, Сырцов, Белобородов, Смилга, Френкель, Ходоровский, Якир. Не забудем упомянуть и не столь видную, но не менее злобредную фигуру — Малкина, изображенного в "Тихом Доне" под собственной фамилией. Это о нем в романе: "Собирает с хуторов стариков, ведет их в хворост, вынает там из них души, телешит допрежь и хоронит не велит родным... чужими жизнями, как Бог, распоряжается..."

В. К. Можно ли утверждать, что первым об этой аванюре, придуманной людьми, не знавшими народа, особенно Дона и его истории, сказал свое слово в советской литературе Шолохов?

Ф. Б. Так оно и есть. В "Тихом Доне" возникла говорит ответственным деятелем Шолохову. Потеснили вы казаков, надурлили, а то бы вашей власти и износу не было. Дурного народа у вас много, через это и восстание получилось... Расстреливали людей. Ныне одного, завтра, глядишь, другого... Кому же интерес своей очереди ждать?

Да, на расказачивание последовала реакция — Верхнедонское восстание хуторов и станиц. Красная Армия несет тяжелый урон и поспешно отступает. За этим шагом подавление мятежников. В приказе по экспедиционному войскам от 25 мая 1919 года Троцкий провозглашал:

"Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление... Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огни".

А после всего — опустошение, голодовки на месте домов, сотни тысяч павших с обеих сторон. И утрата веры в честность лозунгов, которые провозглашала Советская власть.

Бездумное отношение к Дону сказалось на моральном состоянии тех красноармейских частей, которые были брошены на подавление восстания. Это стало одной из причин, поднявших на мятеж Сердобольский полк. Инквизиторскую стратегию Троцкого — главного вдохновителя расправы над казачеством — осуждали честные советские работники и старые командиры. Особенно резко протестовали командарм 2-й Конной Филипп Миронов, ставший, в свою очередь, жертвой троцкистов.

В. К. Они ведь представляли Дон как ослепленный монумент, без движения и признаков демократических чувств. Это — крестьянская аристократия. В практическом деле — чуждые зверюги с нагайками.

Ф. Б. Именно! Да и дальше шли в своем приговоре: "Казачья масса еще настолько некультурна, что при исследовании психологических сторон этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира...". Каково? А отсюда — вывод: "Сто миллионный русский пролетариат не имеет никакого нравственного права применить к Дону великодушные. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции".

Это из большой статьи "Борьба с Красновым", опубликованной в "Известиях ВЦИК" в 1919 году. Кто же автор? Как установил ростовский историк А. Венков, им оказался главнокомандующий всеми Вооруженными силами Республики Иоаким Иоакимович Багетис.

Такой уровень представлений о казаках сложился у многих политиков, идеологов, историков к тому времени, когда Шолохов взялся за "Донские рассказы" и "Тихий Дон". Именно он развел тогда мрачные легенды о Доне. Казачий вопрос в его представлении — это тот же крестьянский вопрос, но в осложненном варианте.

В. К. Однако, насколько я понимаю, сказать правду и о крестьянстве тоже было делом нелегким. Деревня в двадцатом веке стала объектом непримиримых разногласий.

Ф. Б. Да, для одних она была хранителем традиций, примером труженничества и нравственной высоты, для других — неуправляемой разумом мелкобуржуазной стихией, миром жадных скопидомов, пьяниц, лентяев, неумельцев.

В 20-е и 30-е годы в спорах участвовали многие известные литераторы. Одни из хлестких фельетонов Демьяна Бедного, где он лихо прошелся по русской старине, заканчивались словами: "Слезай, деревенщина, с печки!". Правда, после критических замечаний он пожалает об этом, скажет покаянное слово: "Перекричал..."

В. К. Не случайно, конечно, в 1930 году третья книга "Тихого Дона", где было описано Верхнедонское восстание как ответ на "перегибы" по отношению к казачеству, перекинулась с замыслом "Поднятой целины" — тоже писательской реакции на "перегибы". Теперь уже в ходе коллективизации, по отношению к крестьянам...

Ф. Б. Шолохов, обратившись к Горькому в 1931 году с просьбой прочитать рукопись третьей книги, разъяснил свою позицию: "Думаю, мне, Алексею Максимовичу, что вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодняя история с коллективизацией и перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждает это. Вот совершенно ли писать об этих

вещах? У Вас неизмеримо шире кругозор, и мне хотелось бы получить от Вас ответ на все эти вопросы".

В данном случае кругозор Шолохова оказался неизмеримо шире.

Да и его письма к Сталину о положении дел в ходе и после коллективизации были криком души гражданина страны, озабоченного судьбой голодающих земледельцев, что не очень-то требовало некоторых правителей.

В. К. У "Тихого Дона" ведь очень непростая судьба. А сегодня Шолохова изображают чуть ли не придворным писателем.

Ф. Б. От небойшей пристрастности он страдал всю жизнь. Вот пишет Е. Левшицкий 2 апреля 1930 года, какую блокаду объявили третьей книге романа: она не будет напечатана, если автор не согласится сделать Григория большевиком и не примет другие изменения текста. Шолохов категорически отверг такой произвол.

2 декабря того же года сообщает о письме, которое получил от редактора журнала "Октябрь" Ф. Панферова — опять по этому поводу: "6 часть (исправленная) не удовлетворила некоторых членов редколлегии "Октябрь", те решительно запротестовали против печатания, и 6 часть пошла в культпункт ЦК. Час от часу не легче, и таким образом три года. Даже грустно становится..."

Роман, как видно, хотели подогнать под ту мерку, какую обозначила написанная тогда Панферовым третья книга "Брусков"

Виктор КОЖЕМЯКО — Федор БИРЮКОВ

РУССКИЙ ЭПОС

— "Твердой поступью". Ее Шолохов активно не принимал, говорил, что так нельзя писать о нашем крестьянстве. Надуманные сцены, искусственные образы...

А вот образец критики в адрес Шолохова — из сборника, выпущенного в 1931 году: у героев "Тихого Дона" "простое, до примитива, до животности, отношение к действительности, пол и жратва с выпивкой — для них основные стимулы существования". Ну а сам автор еще и в том виноват, что "не обрушил на этот быт всю тяжесть сил классово-пролетарского отрицания", "оказался покоренным этим гнилым бытом".

Некий Н. Янчевский, выступавший как историк донского казачества, осудил все: эпиграфы, пейзаж, старинные песни в романе, язык. Это, дескать, порождение отжившего базиса. Окончательная резолюция такая: "Тихий Дон" — произведение чуждое и враждебное пролетариату".

Очень видный литературный критик В. Ермилов, когда была опубликована финальная часть романа, отказал Григорию в праве на трагедию, предоставив ему трагикомическую роль.

А сколько "разносли" писателя за то, что он якобы героизировал белый стан, особенно Корнилова, Каледина, Чернецова, и приземлил красных!

В. К. Теперь "разносят" за прямо противоположное.

Ф. Б. Я не допускаю даже малейшей мысли о конъюнктуре, о каком-то политическом и идеологическом приспособлении Шолохова. Ложь это! Лгут, как видим, и тогда, когда пытаются изобразить его жизнь и творческую судьбу, с первых шагов в литературе, как сплошную удачливость, гладкость, безмятежность. Вот уж чего не было!

И отношения со Сталиным нельзя упрощать — ни в какую сторону. Было, что именно вождь дал дорогу острейшей третьей книге "Тихого Дона"; по его же инициативе, надо полагать, роману присуждена Сталинская премия первой степени. Но были и смелые, на грани риска, письма Шолохова вождю о недопустимой жестокости во время коллективизации, о голоде в 1933 году; чудом уцелел он и в 37-м...

Ничего нельзя упрощать и примитивизировать в этой сложной судьбе, в этом выдающемся человеке! Шолохов же все время норовит изобразить неким простоватым "Мишей с Пресни".

В. К. Каковы же, в вашем представлении, главные уроки, следующие из шолоховского изображения гражданского войны?

Ф. Б. Шолохов любил родной народ, осознавал значимость его роли в истории, высокие нравственные качества. Но не закрывал глаза и на то, что наши соотечественники слишком доверчивы по отношению к тем, кто стремится во что бы то ни стало "володеть и княжить" (а на деле оказываются "друзьями" — сильными), слишком безропотны и безволевы в решении своей судьбы. Основательный упрек высказывает фронтовик Михаил Кошевой, когда видит бесконечную уступчивость народа: "Кровь ведь изойдет, тогда поймет, за что по головам гвоздот!".

Как известно, гвоздили и после. Гвоздят и теперь.

Пропитанные кровью страницы романа обращены к нашим дням обильного распада страны. Книпит борьба партий и движений, как в семидесятном году. Громяхают залпы по своим людям. Встал вопрос: за кем идти? Где конец той ухабистой дороге, уже усталой многими жертвами?

Шолохов как бы держит слово перед поколением конца двадцатого века и призывает: спасайте Родину от расчленения, междоусобицы и распри! Объединяйтесь только вокруг истинных, негибких патриотов, не давайте политикам делить вас на "белых" и "красных"! Это уже приводило к тому, что соотечественники по-пробовитному рубили друг друга. Не дозволяйте всяким зазывалам приглашать извне "мироворцов", особенно в вооруженной форме, как это пытались делать некоторые генералы, "спасая Россию". Берите собственную судьбу в свои руки, чтобы не горевать потом, как это случилось с Григорием Мелеховым: "Слушали нас ученые люди... Господа слушали! Стреножили жизнь и нашими руками вершают свои дела".

Опасайтесь ретивых перестройщиков и реформаторов всего и вся, сокращающих ваши дни, изматывающих души, ибо "коротка человеческая жизнь и не много всем нам суждено испостать травы..."

В. К. Что еще хотели бы сказать накануне 24 мая — шолоховского дня рождения?

Ф. Б. Он очень любил стелные тополяны, лазоревый цвет. Распускаются они как раз в мае, будто специально к его дню. Наверное, их много будет в этот день на могилах Михаила Александровича и Марии Петровны, похороненных рядом. Почет им и вечная слава за все, что сделали они для народа!

Фото Николая КОЧНЕВА.

● М. А. Шолохов (1970 г.).

● С. Ф. Бондарчук, Ю. Б. Лукин, М. А. Шолохов в Колонном зале Дома союзов (1965 г.).

● М. А. Шолохов в Венесуэльской школе на встрече со школьниками станицы, Москвы и Ленинграда (1970 г.).